

Таким образом, знакомство с программами Русской службы Международного радио Китая дает русскоязычной аудитории всестороннее представление о современном развитии КНР в период проведения в ней модернизации всех сторон общества. По «Прогнозу 2050», составленному китайскими учеными, к середине XXI в. Китай превратится в «богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, социалистическое, современное государство» [3, с. 151].

О направлениях и средствах приближения Китая к этой цели как раз и «говорит Международное радио Китая». Отвечая на поставленный в начале статьи вопрос, можно с уверенностью сказать, что содержание (темы) и форма

(жанры) программной политики МРК подчинены одной цели – продемонстрировать России и в целом мировому сообществу образ сильного, успешного Китая, что, безусловно, отвечает его современным геополитическим интересам.

1. Засурский Я.Н. Информационная безопасность: развитие доступа к информации // Система средств массовой информации России / под ред. Я.Н. Засурского. – М., 2001.
2. Михайлов С.А., Ли Динсинь, Чжан Хэфэн, У Ли, Чжу Джунь-Хуэй. Журналистика Китая. – СПб., 2006.
3. Шапарев Н.Я. Наш великий сосед Китай. – Красноярск, 2006.
4. <http://www.cri.com.cn>
5. <http://www.radio.hobby.ru>

О.А. Тимофеев

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

The author deals with some new aspects of implementation of China's new foreign policy course of harmonization of international relations, first of all, the concept of soft power.

В последние годы пристальное внимание политиков, дипломатов различных стран мира привлекает проблема несилowych (так называемых мягких) вариантов реализации государствами своей воли на международной арене. Не обходят своим вниманием данную проблему и многие российские авторы, публикующие материалы, посвященные манифестации США того международного курса, который в англоязычной литературе получил название *soft power*¹. Вместе с тем происходящие во многих частях света процессы региональной интеграции, формирование глубоко эшелонированных региональных систем и подсистем международных отношений заставляют вновь вернуться к этой актуальной теме, переведя фокус дискуссии на проблему выявления иных, «неамериканских» вариантов реализации «мягкой власти».

Власть традиционно является основополагающей категорией политической науки, обозначая важнейший инструмент осуществления политики, его основное организационное и регулятивное начало. В последние годы значительное распространение получила широкая трактовка власти как способности и возможности осуществлять свою волю, оказывать воздействие на поведение и деятельность людей с помощью мер как принуждения, так и побуждения к определенным действиям.

Китай, не имея возможности конкурировать с США по степени военной мощи, уровню своего международного политического влияния, стремится конкурировать с Вашингтоном в экономической сфере (прежде всего в сфере производства дешевых товаров основной потребительской корзины), а также проявляя более гибкие подходы во внешней политике, особенно в развивающихся странах и в странах, переживающих политический транзит (принципиально отказываясь от традиционной для Запада увязки развития двустороннего сотрудничества с ситуацией с гуманитарными правами). При этом некоторые китайские авторы настаивают на лидерстве Пекина даже по отношению к таким крупным и быстро растущим державам как Россия. Завершившиеся недавно «Год России в Китае» и «Год Китая в России» демонстрируют наглядный пример подобного подхода. Участники разнообразных мероприятий с российской стороны в один голос утверждают: китайская часть программы была подготовлена лучше, отличалась большим размахом и в большей степени соответствовала целям формирования привлекательного позитивного имиджа страны на международной арене. Яв-

ное лидерство Китая в применении экономических рычагов и рычагов «мягкой власти» позволяет некоторым китайским ученым утверждать, что в начале XXI в. в Восточной Азии возник новый расклад сил, при котором четко обозначились ведущие роли двух великих держав – Китая и Соединенных Штатов и второстепенные роли Японии, Южной Кореи и России.

Все большее влияние оказывает Китай и на европейские страны, наиболее активно используя аргументы дешевизны и доступности товаров в качестве основы своей брендовой политики. В результате товарооборот Китая с ЕС (его крупнейшим внешнеэкономическим партнером) растет невиданными темпами, достигнув в 2006 г. 254 млрд. евро, а в 2007 г. превысив сумму в 300 млрд. евро. За этот же период положительное сальдо возросло со 128 до 170 млрд. евро.

Подобная трансформация внешнеполитического статуса страны заставляет китайских политологов формулировать новые задачи дипломатии, вытекающие из необходимости активного использования ресурсов «мягкой власти» на международном уровне. Так, один из последних номеров авторитетного академического журнала, посвященного международным отношениям, – «Гоцзи взъти луньтань» (Форум международных проблем) открываются материалами бывшего и нового директоров Шанхайского института международных исследований Юй Синьтань и Ян Цземьянь, посвященными проблеме реализации «мягкой власти» (силы) Китая на международной арене.

Профессор Ян Цземьянь (брат министра иностранных дел Китая Ян Цзечи) полагает, что концепция «мягкой власти» свидетельствует о значительном прогрессе в развитии внешнеполитической стратегии КНР по сравнению со сформулированными в 50-е гг. XX в. «пятью принципами мирного сосуществования»: взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, равноправия, взаимной выгоды и отказа от агрессии как средства решения международных споров, а также разработанной в 90-е гг. стратегией установления нового разумного и справедливого международного экономического и политического порядка².

После азиатского кризиса 1997 г. китайские ученые стали предметно изучать роль имиджа (*синсян*) во внешнеполитической стратегии Китая. В настоящее время многие из них выделяют и другие смежные с факторами гибкой власти категории: под имиджем понимается общепринятое мнение либо впечатление от той или иной страны, под репутацией (*шэньюй*) – оценка особенностей развития страны, позволяющая предугадать или объяснить ее будущие действия. По мнению ряда исследователей, престиж (*шэньван*) и авторитет (*цюаньвэй*) государства тесно связаны с властью (*цюаньли*) и влиянием (*инсянли*), обусловленными позитивной репутацией государства.

Особенность «мягкой власти» в том, что она, проистекая из экономических и культурных факторов, не может быть объяснена в терминах геополитики. Однако обладая

определенной комплементарностью по отношению к жесткой силе, она, тем не менее, в определенном смысле более эффективна, чем последняя.

Один из наиболее авторитетных китайских политологов-международников Янь Сюэтуна полагает, что «мягкая сила» актуализируется прежде всего в терминах политической власти, определяемой как операциональная сила (в отличие от культуры – ресурсной силы)³. Иной точки зрения придерживаются представители шанхайской школы международных исследований, которые считают, что фактор культуры проявляется в том числе и при реализации «жесткой силы», а стратегическому авторитету может и не хватать культурного влияния.

По мнению Юй Синьтянь, основой мягкой власти является культура и прежде всего ее краеугольный камень – представления о ценностях⁴. Свое расхождение со взглядами Янь Сюэтуна она видит в трех аспектах:

1. Янь Сюэтуна, являясь сторонником традиционного подхода, определяемого в терминах военно-политического контроля, сводит понятие культуры лишь к культурному наследию. Вместе с тем данный подход недооценивает влияние культурных ценностей на современную жизнь, эволюционирующий и преобразующий характер культуры. Тот факт, отмечает Юй Синьтянь, что во многих развивающихся странах при отсутствии политического давления извне активно изучается опыт Китая, убедительно доказывает: представления, идеи и принципы (как отражение культурных ценностей) являются не только ресурсом, но и фактором операциональной силы.

2. Янь Сюэтуна заблуждается, отделяя политическую власть от ее общекультурных истоков. В отсутствие культурного фона любая политика превращается лишь в пустую конструкцию.

3. Политическая стратегия и политический курс имеют не только политические, но также идейные, культурные и ценностные истоки. По мнению Юй Синьтянь, если бы современные китайские лидеры находились во власти контекстных представлений периода культурной революции, внешнеполитическая стратегия КНР заключалась бы в идеях разгрома мирового империализма и «советского ревизионизма».

Последняя мысль китайской исследовательницы также сближает ее с основными постулатами конструктивизма. Конструктивисты уверены, что международные отношения (подобно всем иным типам политических отношений) определяются социальными конструктами – такими как верования, убеждения, восприятия и идеи. Характер взаимодействий между двумя государствами, по их мнению, суть не просто продукт объективных материальных факторов, – например, торгового баланса, уровня военной мощи или структуры внутренних учреждений. Межгосударственные отношения в значительной степени сформированы также и такими субъективными факторами как убеждения и идеалы, которые заставляют людей интерпретировать те или иные события и факты специфическим образом. В итоге оказывается, что правила, принципы и нормы поведения конструируются самими акторами.

Наиболее важные из факторов, влияющих на данный процесс могут быть сгруппированы в три категории: идентичности (коллективное самовосприятие политических акторов и разделяемое ими восприятие самих себя, ведущие к конструированию некоего воображаемого сообщества); стратегическая культура (набор убеждений о фундаментальном характере международной политики и об оптимальных путях решения международных проблем, особенно в тех случаях, когда это касается оправданности применения силы и перспектив сотрудничества); и, наконец, нормы (уверенность в том, что является не только эффективным, но также законным и допустимым).

Наиболее значимыми для Китая, с точки зрения использования ресурсов «мягкой власти», во внешней политике на

глобальном уровне становятся концепции единства (*тун*) и гармонизации (*хэсе*) международных отношений.

Реализация принципа единства возможна как при сохранении, так и при минимизации разногласий (*и*). Последнюю идею предложил американской стороне премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в своем выступлении 8 декабря 2003 г. в Нью-Йорке. Обратной стороной данной формулы является стремление к великому (максимальному) единству (*да тун*), что можно рассматривать как сигнал, говорящий о желании активно участвовать в глобальном управлении.

Гармония (*хэ*) – одно из наиболее важных понятий традиционной китайской философской мысли. Основоположником дихотомии гармония – единство считается китайский чиновник Янь Ин, живший в VI в. до н.э. Идеальные (гармонизированные) отношения между правителем и его чиновниками он связывал с соблюдением ритуала, а не с установлением прямого контроля (единства). Противопоставление категорий гармонии и единства встречается уже в трактате «Лунь юй» (Суждения и беседы), излагающем высказывания Конфуция, записанные его учениками. Гармония, по мысли Конфуция, характеризует отношения внутри элит (благородных мужей), в то время как объединение в политические группировки – удел простого (малого) люда. Другой трактат – «Го юй» (Речи царств) отождествляет понятие «уравновешенности» в большей степени с гармонизацией, чем с единством. В настоящее время концепция «стремиться к единству» применяется чаще всего при постулировании целей двусторонних отношений, а концепция гармонизации – многосторонних и глобальных аспектов внешней политики Китая. На особый характер второго процесса указывает и использование специального глагола: если двусторонние отношения устанавливаются (*цзяньли*), то гармоничный мир реструктурируется (*гоуцзянь*).

В духе идей гармонизации были выдержаны и основные положения международной части доклада Председателя КНР, генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVII съезде компартии Китая (октябрь 2007 г.). Примечательно, что в этом документе отсутствуют характеристики состояния и перспектив двусторонних отношений Китая с другими странами. Анализируются лишь глобальные аспекты внешней политики страны. Основными глобальными угрозами в докладе названы гегемонизм и силовая политика, локальные конфликты, проблемы горячих точек, углубление глобальных экономических диспропорций и разрыва в уровне развития между Югом и Севером, тесное переплетение традиционных угроз безопасности с нетрадиционными, вызовы миру и развитию.

В качестве ответов на эти угрозы доклад предлагает неуклонное продвижение Китая по пути мирного развития. Это тот стратегический выбор, который сделал китайским правительством и народом с учетом тенденций развития эпохи и собственных коренных интересов.

Вместе с тем некоторым авторам свойственна позиция, объединяющая категории «единства» и «гармонии». Показательна в данном смысле точка зрения бывшего заместителя директора департамента планирования МИД КНР Ли Цзе, который указывает на соединение базовых для традиционной китайской культуры принципов мира (гармонии) и единства как на уникальный китайский ресурс реализации «мягкой власти». Природа подобного соединения, уподобляемого автором соединению твердости и мягкости, основывается на идее единства противоположностей, заключенной в формуле взаимопроникновения темного (*инь*) и светлого (*ян*) начала.

В качестве стержневого концепта «мягкой власти» Китая можно выделить категорию гармонии, основой которой является идея разнообразия. Следует при этом отметить, что признание разнообразия (*доянсин*) социально-экономических систем различных государств мира и диверсификации (*доюаньхуа*) моделей их политического

развития уже с начала 90-х гг. XX в. прочно вошло в число тех основных принципов, которыми руководствуется КНР на международной арене. Эти принципы первоначально предназначались для того, чтобы вывести идеологию КПК из того шокового состояния, которое было связано с крахом социализма в Советском Союзе и странах Восточной Европы, однако в начале «нулевых» годов XXI в. были еще более успешно использованы в целях ретуширования жестко прагматического подхода, которым характеризуются отношения Китая с рядом государств – экспортеров сырья, которые подвергаются жесткой критике со стороны Запада.

Данные постулаты подтверждены и в Отчетном докладе XVII съезду КПК, декларирующем уважение со стороны Китая права народов всех стран на самостоятельный выбор собственного пути развития, невмешательство во внутренние дела других стран, отказ от навязывания им своей воли. Что касается международного уровня, то здесь долгосрочные задачи укрепления «мягкой власти Китая», по мысли Ли Цзе, должны заключаться в развитии следующих процессов.

1. Уникальные элементы китайской культуры должны быть нацелены на расширение взаимопонимания и обмена между Китаем и другими странами.

2. Идеи мирного развития должны стать средством убеждения широкой международной общественности, способным выступать противовесом набору тех предубеждений и враждебности, которые Запад культивирует в отношении китайской идеологии.

3. Идеи мира, гармонии и взаимной выгоды должны постоянно обогащаться, наполняясь современным содержанием. Следует прежде всего пропагандировать те современные идеи, которые являются квинтэссенцией китайской культуры (мирное развитие, стратегия открытости).

4. «Мягкую власть Китая» следует реализовывать, используя наиболее объективные подходы. Нужно честно говорить о тех проблемах, которые на самом деле волнуют международное сообщество: негативные последствия экономического роста в Китае, расширение диалога по вопросам энергетической безопасности, защита окружающей среды.

5. Следует уделять повышенное внимание неправительственным (в том числе человеческим) ресурсам мягкой власти. Все граждане Китая должны помнить, что они представляют на международной арене не только себя, но и свою страну⁵.

Вполне очевидно, что основным объектом реализации «мягкой силы Китая» являются соседние страны. Так, в ходе своего выступления на саммите АСЕАН 7 октября 2003 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в качестве основных компонентов стратегии развития отношений со странами Азии назвал категории добрососедства (*мулинь*), безопасного соседства (*аньлинь*) и выгодного соседства (*фулинь*). По словам Вэнь Цзябао, традиции добрососедства восходят к традиционной гуманности китайской нации и сокровищницам китайской философской мысли. Воплощение данного принципа позволило бы создать в Азии модель стабильных и гармоничных межгосударственных отношений.

В качестве принципа безопасного соседства китайский премьер понимает поддержание мира и стабильности в регионе, укрепление взаимного доверия через диалог, решение споров путем проведения переговоров и создание в Азии условий для мирного и безопасного развития.

Выгодное соседство – это укрепление взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами, углубление регионального и субрегионального сотрудничества, активизация региональной экономической интеграции осуществление совместного развития с азиатскими странами.

Одним из наиболее перспективных для Китая с точки зрения реализации концепции «мягкой власти» является Африканский континент. Специфика работы на данном направлении будет заключаться, помимо апеллирования к традиционным культурным ценностям Китая, также в акцентировании экономической привлекательности модели сотрудничества, основанной на идеи взаимного выигрыша, оказании экономической помощи без увязывания ее с ситуацией с правами человека в странах-реципиентах и докладами различных международных организаций, международной институционализации китайско-африканского сотрудничества, а также донорских интервенциях в форме поставок дешевых потребительских товаров, прежде всего одежды, для наиболее бедного населения стран региона.

Китайские политологи подчеркивают, что влияние Китая в мире не должно ограничиваться лишь глубинными пластами традиционной культуры, но также иметь в виду запросы и массового зарубежного потребителя. Такие концепты как костюм династии Тан (VI-X вв.), китайский зеленый чай, иероглифы, китайские мотивы в ландшафтном и архитектурном дизайне могут не только распространять влияние страны за рубежом, но и составить конкуренцию таким элементам масс-культурного влияния соседей по региону как экспансия южнокорейской эстрады (*ханрю*), японские комиксы (*манга*) и анимационная продукция (*аниме*).

Существенным элементом улучшения международного имиджа является участие в работе международных организаций. Принципиальный отказ от создания союзов и вступления в блоки – основа стратегического курса китайской дипломатии в течение нескольких десятилетий. Данная стратегия во многом помогла Пекину нормализовать как американо-китайские (в начале 70-х гг.), так и советско-китайские (в конце 80-х) отношения.

Однако с середины 90-х КНР стала подвергаться резкой критике за свой дипломатический «изоляционизм». Китай в свое время отверг предложение Канады и Австралии по созданию в АТР структуры, аналогичной СБСЕ, не поддержал и Бангкокский договор 1995 г. о создании в Юго-Восточной Азии безъядерной зоны. Многие китайские исследователи отмечают: осторожность и подозрительность Китая в отношении многосторонних механизмов объясняется особенностями того международного окружения, в котором он находился в течение длительного исторического этапа, а также сложившимися представлениями о мультилатерализме. Китай в течение долгого времени был лишен права участвовать в работе ООН, что обедняет его опыт многосторонней дипломатии; традиционными являются взгляды, полагающие, что обеспечить национальную безопасность можно лишь на основе развития собственных вооруженных сил; существуют подозрения по поводу превращения многосторонних структур в АТР в площадку для изоляции и противодействия Китаю; достаточно сильны опасения, что включение проблемы Тайваня в повестку дня таких структур нанесет удар по суверенитету КНР.

Вместе с тем развитие внешнеполитического процесса в КНР в последние годы свидетельствует о резком отходе от старых догм. В 2001 г. лидеры Китая не стали противиться вступлению во Всемирную торговую организацию Тайваня на той же министерской сессии, что и КНР, кроме того, Пекин стал участвовать в работе базирующегося в сингапурском отеле «Шангри-ла» неформального форума министров обороны стран АТР, на котором присутствуют и тайваньские представители.

В последние годы Китай открыто позиционирует себя как глобальная экономическая держава, поэтому наибольший интерес его руководители испытывают к участию и организации разнообразных экономических форумов и совещаний. Например, в течение уже нескольких лет в

г. Боао (о. Хайнань) проводится крупный неформальный экономический форум, который часто называют «азиатским Давосом». Кроме того, 6 сентября 2007 г. в г. Далянь впервые состоялось заседание «Летнего Давосского форума». В своем выступлении на форуме глава правительства КНР Вэнь Цзябао отметил неуклонно укрепляющееся сотрудничество Всемирного экономического форума с Китаем. Экономическое строительство Китая на нынешнем этапе, по его словам, будет сосредоточено на шести направлениях: дальнейшее обеспечение плавного, стабильного и при этом сравнительно быстрого роста экономики, ускоренная трансформация модели экономического развития, обеспечение скоординированного развития, создание ресурсосберегающего и дружественного по отношению к окружающей среде общества, дальнейшее улучшение жизни населения и продвижение реформ в различных сферах. При этом развитие Китая неотделимо от развития планеты, но и развитию планеты в равной мере нужен Китай, подчеркнул китайский премьер. Китай будет и дальше твердо идти по пути мирного развития и неизменно проводить стратегию открытости, направленную на взаимную выгоду и общий выигрыш. Развитие сильного, демократического, цивилизованного, гармоничного и современного Китая направлено на пользу делу мира и развития на планете и отнюдь не представляет угрозы другим странам⁶.

Н.А. Журавель

ПРОБЛЕМА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ В АНГИИ (на основании трактата «Государство Лестера»).

The article touches upon the problem of succession in England (based on «Leicester's Commonwealth»).

На протяжении всего XVI в. одной из важных и сложных проблем для Англии оставался вопрос престолонаследия. Особенно остро он стоял при Елизавете I, последней правительнице династии Тюдоров. Чем очевиднее становился тот факт, что королева не выйдет замуж, тем решительнее от нее требовали объявить кандидатуру наследника. В этом желании были солидарны и Тайный совет, и парламент, и придворные группировки. Такая настойчивость может объясняться следующими причинами. Благодаря самим Тюдорам был создан образ монарха, олицетворявшего оплот политическую и социальную стабильности. Нерешенный вопрос о преемнике грозил в будущем обернуться новой гражданской войной и вызывал в обществе панику и ужас. Окружение Елизаветы I, принимавшее участие в поддержании такого образа, само стало его жертвой. Опасения за здоровье королевы, особенно после ее болезни в 1562 г., были очевидными: ее преждевременная смерть рассматривалась как катастрофа. От выбора наследника зависела судьба государственной церкви и придворных.

Елизавета I заняла весьма жесткую позицию и отказывалась назвать имя единственного преемника вплоть до своей кончины. Королева настаивала на исключительности своих прав в решении данной проблемы. Она очень четко продемонстрировала это перед парламентом в ноябре 1566 г., когда фактически воспрепятствовала обсуждению депутатами возможных кандидатур на трон. Тогда же многие придворные оказались в опале. В ответ на очередную петицию Елизавета I заявила, что «...относительно престолонаследия, она велит им (членам парламента) не думать, что она будет нуждаться в их указаниях, если почувствует подходящее время и готовность для предрешения. Значимость дела дает ей основание говорить, что длительная отсрочка в решении избрана для их же бла-

Таким образом, концепция «мягкой власти» к настоящему времени прочно вошла в стратегический арсенал разработки и оптимизации внешнеполитических решений, принимаемых лидерами КНР. Китайские политологи активно и плодотворно анализируют различные аспекты реализации ресурса soft power как на региональном, так и на глобальном уровне. При этом отсутствие четких формулировок в официальных документах говорит о незавершенности процесса адаптации общих принципов концепции к конкретным сферам международных отношений, что требует дальнейшего пристального внимания к процессу и структуре конституирования основ внешнеполитического курса Китая.

¹ См., напр.: Бакина А.В. США: к вопросу о «мягкой» и «жесткой» силе в условиях глобального доминирования // Власть. – 2007. – № 7. – С. 92-97.

² Ян Цземьянь. Чжунго дуй жаунь шили-дэ таньсо: цзюэй гунгун чаньпинь-дэ гоцзи тиси гуань (Поиски мягкой мощи Китая: международная система как общественные блага) // Гоцзи вэньти луньтань. – 2007. – № 48. – С. 9.

³ Янь Сюэтуан. Чжунго жуань шили пингу баогао (Оценка мягкой силы Китая) // Хуаньшо шибао. – 22.05.07.

⁴ Юй Синьтянь. Жуань лилян цзяньшэ юй Чжунго дуйвай чжаньлюэ (Строительство мягкой силы и внешняя стратегия Китая) // Гоцзи вэньти луньтань. – 2007. – № 48. – С. 16.

⁵ Li Jie. Soft Power Building and China's Peaceful Development // China International Studies. – 2006. – № 5. – P.176-178.

⁶ Жэньминь жибао. – 07.09.07.

га)¹. В качестве «...утешения депутатам и для собственной уверенности»² королева предложила обсудить список замечаний, который ограничивал претензии различных кандидатов и гарантировал Елизавете I безопасность и преданность подданных. В 1581 г. королева добилась издания статута, один из пунктов которого запрещал любые пророчества и астрологические предсказания об отпущенных ей годах жизни и человеке, который будет править после нее³.

На самом деле неопределенность в отношении наследника укрепляла собственные позиции королевы, придавала ее жизни особую важность. Прекрасно осведомленная об истории придворных заговоров, Елизавета I опасалась их повторения. Она сравнивала наследников с погребальным саваном, который невозможно полностью. К тому же королева сомневалась в том, что официальное оглашение кандидатуры преемника будет способствовать миру среди ее подданных.

Однако объявленный запрет на обсуждение вопроса престолонаследия не решал проблему государственной стабильности. Каждая фракция пыталась продвинуть своего ставленника и тем самым обеспечить себе перспективы на будущее.

По завещанию Генриха VIII, в случае бездетности его сына Эдуарда, а также дочерей Марии и Елизаветы, первоочередность в праве наследования закреплялась за «...детьми леди Френсис, нашей племянницы, старшей дочери нашей сестры, королевы Франции»⁴. Это означало, что главными претендентками объявлялись дочери герцога Саффолка – Джейн, Катерина и Мэри Грей. Однако судьба этих женщин, в конечном счете, лишила их всяких надежд на трон. Джейн, как уже отмечалось, была казнена в 1553 г. Катерина, бывшая ставленница умеренных протестантов, без разрешения королевы вышла замуж за Эдварда Сеймура, графа Гертфорда. В наказание она провела многие месяцы в тюремном заключении и в 1568 г. скончалась. Мэри, в свою очередь, была обвинена в незаконной связи с Томасом Кейзом и, следовательно, дискредитирована.

Другими претендентами, согласно завещанию, значились потомки Элеоноры Брендон, дочери сестры Генри-